

Олег Дорогань: «НЕ ХОЧУ БЫТЬ ВОРЧЛИВЫМ СТАРИКОМ»

Гостем очередного выпуска авторской программы Сергея Новикова «Диалоги» (каналы ОТР и «Регион-67») стал поэт, писатель, литературный критик, председатель Смоленской областной организации Союза писателей России Олег Дорогань. Предлагаем вашему вниманию газетный вариант этой беседы.

— Здравствуйте, Олег Иванович.
— Здравствуйте, Сергей Витальевич.
— Я Вас приветствую в программе «Диалоги». Давно хотел с Вами познакомиться поближе. Правда, мне один друг сказал: так он же не из Союза российских писателей. Но я уже давно писателей и поэтов не делю по Союзам. Если мне интересен человек, то я его приглашаю. Так что давайте о Вас. Родились Вы на Украине, в городе Черкассы. Что за семья?

— У меня отец потомственный военный. Дед тоже был военным. Это по линии матери. А по линии отца дед был простым крестьянином.
— Вы окончили школу в 1973 году?
— Да.

— Я подумал, не фильм ли «Офицеры», который вышел в 1971 году, навеял Вам желание пойти в Львовское военно-политическое училище?
— Да, конечно. И пример отца, и этот фильм. Я даже писал сочинение «Есть такая профессия — Родину защищать». Я его писал и на выпускном экзамене в школе и когда поступал в училище экзаменационное вступительное сочинение писал на эту тему.

— Мы с Вами люди одного поколения, поэтому я помню, какое на меня сильное впечатление произвел этот фильм, и я ринулся было тоже поступать, но, слава тебе, Господи, к счастью и для меня, и для советской армии, меня не взяли по состоянию здоровья. Но у Вас всё удачно сложилось. Вы окончили училище, потом военно-политическую академию в Москве.

Львовское училище — оно с таким гуманитарным уклоном, насколько я знаю.

— В училище было два факультета: факультет культпросветработы и факультет журналистики. Кстати, параллельно со мной учился на факультете журналистики в эти годы, 1973–1977, Николай Фёдорович Иванов, который сейчас председатель Союза писателей России. И там, в училище, у меня лично был профиль — оркестр народных инструментов. Я играл в оркестре народных инструментов на домре.

— Прекрасно. То есть Ваша деятельность в армии была сосредоточена на культурно-массовой работе?

— Вначале да. Четыре года я был начальником клуба полка. А потом — замполитом ракетного дивизиона. В мотострелковой танковой дивизии это был единственный такой ракетный дивизион, в котором было ядерное вооружение.

— Ваша задача — это политические информаций, это ленинские комнаты... Идеологическая работа, коротко.

— Конечно. Ленинская комната в армии — это как сейчас алтарь в церкви.

— У меня было полтора года срочной службы, поэтому я знаю, что такое ленинская комната. Олег Иванович, я к чему веду? Вот мой тест, царство ему небесное, генерал-май-

ор Николай Павлович Горбунов был начальником политуправления 46-й воздушной армии, и он всю жизнь занимался политработой. Ваш, так сказать, коллега, но на более высокой ступени. И Вы знаете, когда всё кончилось, и он был отправлен в отставку, и наступили другие времена, он, конечно, не признавался в этом, но, мне кажется, он испытывал какую-то горечь оттого, что столько лет было потрачено на то, чтобы заставлять офицеров конспектировать Маркса, Энгельса, Ленина, эти пропитанные фальшью доклады на очередном съезде Коммунистической партии и так далее, и так далее. Горечь оттого, что всё оказалось напрасным.

— Нет, ничего напрасного не бывает. И, кстати, это возвращается. В своё время упразднили в армии Главное политическое управление, теперь оно снова есть. Конечно, была излишняя политизация, идеологизация в армии. Это, конечно, некая крайность. Знаете, все наши беды, что мы...

— ...из крайности в крайность...

— Да, мыслим крайностями. И не только мы. Все беды человечества в том, что оно мыслит крайностями. Вот смотрите, на Украине, где я родился, кто бы мог подумать, что либерализм, который всегда там был, так легко обернется национализмом, даже нацизмом, фашизмом, расизмом? Какой может быть расизм в отношениях между славянскими людьми? Там понятно, этот белый, этот негр, идёт расовая дискриминация, а здесь два славянина. И получается: если ты москаль — а я уже давно, по их мнению, продался москалям, — то ты уже недочеловек, то есть ты уже расово неполноценный. Вот как там сейчас поставлено. Вот что значит мыслить крайностями.

— Вы совершенно правильно говорите. Тогда была крайность — сверхидеологизация армии. Сейчас, когда совсем было забыли об идейно-воспитательной работе, это другая крайность. Вот бы найти эту грань...

— Золотую середину. Вот мы никак не найдём золотое сечение в общественном сознании. А вот когда найдём, тогда человечество нормально заживёт.

— Я Вам сейчас зачитаю высказывание Валерия Брюсова. Он писал так: «Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда он ни потратил». Есть и латинское изречение «Поэтами рождаются, ораторами становятся».

— Да, это Цицерон.

— Так вот. «Если ты не родился поэтом, то никогда не сможешь им быть». Это правильно? Вы согласны с этим?

— Вы знаете, может быть, поэтом ты не станешь, но добротным графоманом можно стать. Я встречаю очень много таких людей. Мне вообще кажется, что последние, наверное, лет 15 моей жизни меня окружают только люди, пишущие

что-то — стихи, прозу, или разбирающиеся в литературе. Я попал волей-неволей в такой круг, где все творческие люди.

— Это хорошо. Но Вы как считаете, Вы родились поэтом? Или Вы стали поэтом? Ведь когда приводишь высказывания каких-то классиков, это не значит, что это сказано на века и для всех. Бывает по-разному.

— Сергей Витальевич, я считаю, что я родился поэтом, а вот стал ли я хорошим поэтом, это уже время рассудит, история. Может, кому-то нравятся мой слог, мой стиль, какая-то моя образность, какие-то мои мысли. А кого-то это абсолютно не трогает. Вот в чём дело.

— Когда Вы стали писать стихи, что называется, по-взрослому?

— Я считаю, что когда их стали публиковать в центральной военной печати — в газете «Красная звезда», в журнале «Советский воин», «Воин России». Это было где-то в середине 80-х годов.

— Первая книжка у Вас вышла в довольно-таки зрелом возрасте, в 41 год...

— Да. В 1997 году. «Не гасите вечные огни». Тогда нас только что вывели из Прибалтики в Московский военный округ, и вот при газете Московского военного округа в издательстве издали мою первую книжечку.

— Это всегда такое событие...

— Это было для меня большое событие. Десять тысяч экземпляров, и распространяли, естественно, по всем войскам округа.

— А кто тот человек, который впервые Вам сказал: Олег, надо этим заниматься, не надо бросать?

— Есть какие-то судьбоносные моменты. Они вроде бы случайные. Вот, в училище я как-то за каникулы написал целую тетрадь стихов, такую 96-листовую. И одному нашему курсанту, будущему журналисту, показал некоторые свои стихи. Он говорит: дай мне всё, что у тебя есть, и я ему эту тетрадь отдал, и она пошла по факультету журналистики — от курсанта к курсанту — и так и не вернулась. Это уже был какой-то показатель.

Но был у нас такой Олег Шилин, он столько стихов знал наизусть! И вот он со мной захотел познакомиться. Мы с ним вечерами там, в училище, бродили по стадиону, и он мне читал наизусть стихи многих авторов. И я понял, какой я ограниченный человек, как я мало знаю, и эта моя тетрадь ничего не стоит. Вот тогда я это понял и стал усиленно заниматься поэзией и просил его, чтобы он мне давал книги, откуда он эти стихи брал. Очень много авторов, тогда для меня неизвестных, очень хороших поэтов он открыл для меня.

— Олег Иванович, сегодня кто первый судья Ваших стихов? Есть такой человек, которому Вы их показываете перед тем, как напечатать или обнародовать? Или Вы уже сами лучше других понимаете, что у Вас получилось, а что нет?

— Да, я уже сам себя редактирую. Знаете, сейчас такая ситуация, что многие наши поэты не могут найти себе достойного редактора. Они пишут — это как траве не запретишь расти, так не запретишь поэту писать стихи, — но, конечно, где-то надо «подкосить», где-то «окультурить». У нас очень талантливый народ. Очень много пишущих людей, но мало тех, кто мог бы помочь отсеять лишнее, а что-то вообще убрать. Не стало института редакторства, ин-

ститута критики. Поэтому — что там говорить — и качество литературы, качество поэзии у нас всё ниже. Но, с другой стороны, вот что такое литература, литературный процесс? Это река. Вот она течёт, вбирает в себя притоки, стоки, растения, водоросли, грязь. Всё течёт по этой реке. Но настоящая литература, большая литература — это те небольшие золотые россыпи, которые намываются оттуда. Река может обмелеть, её русло может высохнуть, а потом смотришь — она воскресает и ещё с каким полноводьем! Андрей Вознесенский написал: «Меня переживет вот-этот стих, убийственно неубиваем».

— Олег Иванович, раз уж мы заговорили о литературном творчестве и об алгоритмах этого творчества... Вот у Давида Самойлова есть такая строчка: «Дайте выстрадать стихотворенье, дайте вышагать его». Андрей Вознесенский, которого Вы сейчас упомянули, тоже говорил о том, что у него рождается стихотворение в ходьбе. А вот наша известная смоленская поэтесса Татьяна Матушова, она живёт в Ершичах, написала так: «Стихи обычно приходят в пути, когда в лес иду или на лёд. / Главное, первую строчку найти, а дальше пойдёт, пойдёт».

— Очень точно написано.

— У Олега Дороганя как этот процесс проходит?

— Наверное, так, как эта поэтесса сказала, хотя в своё время я тоже, как Маяковский и Вознесенский, как Давид Самойлов, любил туда-сюда ходить, вышагивал эти стихи. Но мне как-то мать сказала: «Ну ты же так развиваешь свои мысли, тебе надо сесть и сосредоточиться». Так и я, похожу-похожу... А главное это — найти этот ритм, этот размер, найти эту интонацию. Свою, ни на кого не похожую...

— «Ни дня без строчки» — это Ваше правило? Или только по вдохновению?

— Это у Зощенко было такое правило. А Андрей Вознесенский иронизировал над этими строчками, если помните: «Я — в кризисе, душа нема. Ни дня без строчки, друг мой точит. / А у меня — ни дня, ни строчек». Да, бывает так, что душа в кризисе, бывают, как у каждого творческого человека, какие-то депрессивные синдромы.

— Не получается ничего, не складывается.

— Вот просто душа не лежит. Понимаете? Это русло литературное, которое в тебе течёт, иной раз и пересыхает.

— Я ещё одну цитату приведу. Недавно скончался, к сожалению, знаменитый драматург Леонид Зорин, который написал «Покровские ворота», «Варшавская мелодия», «Царская охота», и он в интервью Дмитрию Быкову, когда тот тоже заговорил о вдохновении, сказал: «Не верьте, ходишь как на службу, и никаких разговоров о вдохновении. Забудьте. Это ломовая подёнщина. Вдохновение и талант придумали критики и доброжелательные читатели. Мы не знаем этих слов». Это мнение Леонида Зорина. Он говорил о драматургии. Можно ли сказать о поэзии так?

— Да. Поэзия — это тоже работа. Вдохновение, бывает, придёт на одну строфу, на две или даже на одну строчку. Вот у меня книжка афоризмов, там много просто стихотворных строк. Она пришла

эта строчка, и дальше всё остановилось. И ничего не продолжается. Всё уже сказано. Вдохновения у меня хватило в данный момент на эту одну строчку, на один афоризм, одно изречение. Вдохновение не может всё время литься как манна небесная с неба, и многие лукавят, что вот, мол, мне пришли от Бога стихи. Лукавят! Что-то да. Что-то бывает. Какая-то под-сказка сверху, какой-то толчок. Но так, чтобы полностью, от и до, ты смог это стихотворение выдать – нет, надо потрудиться. Бывает, у меня стихи лежат годами. Вот какое-то слово никак не идет – и всё. Вот оно написалось наконец, а потом прочитал на следующий день – нет, всё же что-то не то, отложил. И так годами бывает, пока ты не найдёшь эту строчку. Это труд.

– Тот же Леонид Зорин как-то говорил, что он входит в библиотеку, видит огромные полки с огромным количеством книг и задает себе вопрос: Господи, ну зачем я-то мучаюсь? Уже всё давно написано и сказано. Олег Иванович, а Вы, когда смотрите на огромное количество книг, какие вопросы себе задаёте?

– Опять начну издавать. Как-то мы были на экскурсии в Кремле и нам показывали кабинет Владимира Ильича Ленина – ни одной книги вокруг. Вот он писал... Ну, может, у него газеты были, которые ему приносили... Он всё писал из головы, старался не окружать себя книгами. Очень большое количество книг иной раз действительно у пишущего может даже вызвать депрессивный синдром. Ведь всё уже написано! Но всё равно есть что-то сокровенное, которое ты только чувствуешь, никто ещё так не сказал. Есть какие-то сокровенные моменты, которые живут в тебе, и ты хочешь их выразить, ты хочешь ими поделиться. Но вот сможешь ли ты это выразить так, как оно в тебе звучит? Вот это мучает, обкалывает твою душу. И хорошо, когда есть рядом муза во плоти, которая тебя поддерживает. У меня сейчас вторая жена. Первая, к сожалению, умерла...

– И Вы ей – Марине – посвятили много стихотворений.

– Да. И вторая жена меня всегда поддерживает в творчестве. Стараюсь меня как можно больше отгородить от быта, чтобы облегчить мою участь.

– У Вас много стихотворений о любви, которые мне очень нравятся. Как-то тонко написано, и видно, что это пережито.

– Спасибо, Сергей Витальевич.

– Но от лирики я хочу перейти к более серьёзной теме. У Вас есть такое произведение «Хмелиада, или Исповедь скомороха на заданную тему». Она о тех самых 90-х годах.

– Смутных годах...

– Понятно, что это название перекликается с книгой Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему». И там есть такие строки: «А в углу медвежьей, / В пуще затаясь, / Где-то в Беловежье / Трое делят власть. Вот бутылку распили / И в один копыл / Русь приговорили / На троих в распыл». Вы правда верите, что три человека Ельцин, Шушкевич и Кравчук могли разрушить великую державу?

– Отвечая на Ваш вопрос, я хочу рассказать вот о чём. Когда я жил на даче в Переделькино у Валерия Николаевича Ганичева, это тогдашний председатель Союза писателей России, я о нем писал книгу, мы с ним стали обсуждать, когда же был заведён маховик развала советской страны? Он мне сказал, что ещё при Андропове, когда тот разрешил двойное агентство. То есть наши агенты там, в резидентурах за рубежом, получили право вербоваться в западные спецслужбы, чтобы якобы работать на них, и, получив право на второе агентство, но получая там в десять раз больше, чем они получали здесь, они волей-неволей стали по-настоящему работать на Запад.

– Я этот факт не знал.

– И когда Горбачёв увидел, что перестройка начала заходить в тупик, он не мог понять, почему. Да, его тоже многие обвиняют в том, что он развалил Советский Союз. Но он не мог понять, почему это идёт, и только потом до него дошло, откуда все эти подводные течения... Страна подмывалась этими наши-

ми спецслужбами, которые уже давно работали на Запад, и поэтому он, мне кажется, так легко, когда в Беловежье собралась эта троица, сложил власть, хотя имел огромную власть с огромными полномочиями.

– Хорошо. Олег Иванович, где были 20 миллионов советских коммунистов? Нас же с Вами уверяли, что в КПСС состоят 20 миллионов. В их руках были армия, КГБ, экономика. Всё было в руках коммунистов. Ни один из них не выступил, не соорудил баррикаду, не бросил хотя бы булыжник – орудие пролетариата – в сторону Кремля.

– Большой вопрос. Но опять же, понимаете, пошло всё с головы, когда генеральный секретарь допустил, чтобы из конституции убрали шестую статью «О руководящей и направляющей роли Коммунистической партии». Вот не стало этой статьи, ушла власть от партии и от всех коммунистов. Но мы, рядовые коммунисты, честно исполняли свой долг.

– Рядовых коммунистов приучили выполнять приказы.

– Да, мы честно служили.

– Я обращаюсь к одному источнику под названием Олег Дорогань. Вот что Вы написали в стихотворении «Заложники приказа»:

«Мы рубежи оставили –
Исполнили приказ.
И тем себя ославили,
Не зря ругают нас.
С Прибалтики, с Кавказа
Ретировались мы
Заложники приказа,
Умытые умы».

И дальше Вы такие фразы допускаете: «Не уходили, драпали», «А мы в мятежном пламени не встали в полный рост» и так далее, и так далее.

– И последняя строфа «За всё перед потомками прощения прошу».

– Так что Вам честь и хвала. Вот бы всем, начиная с Зюганова, и маршалам, и генералам, и политработникам, и секретарям разным самокритично спросить себя: а где мы были? Почему трусливо разбежались по кустам?

– В той ситуации, конечно, очень многие ещё и не ориентировались. Я в 1991 году служил в Казахстане. Когда не стало Советского Союза, получилось так, что я стал офицером уже казахстанской армии. Не российской, а казахстанской. И нужно было как-то из Казахстана попасть в свою российскую армию. И я только в 1993 году сумел вырваться в Прибалтику в выходящей войска. Это в то время был самый трудный участок наших Вооружённых Сил, считался горячей точкой.

– Вывели в Ельню тогда эти войска, как Вы написали, «где даже медведи берлоги не роют».

– Да. Нас даже не в Ельню, а под Ельню, в болото. И очень много осуществляли эти болота, много гравия привезли и построили городок буквально за месяц.

– Олег Иванович, у Вас очень много стихотворений, которые касаются 90-х годов, Ельцина. Вы очень критично к нему относитесь, с чем я во многом согласен, потому что та эйфория, которая была у нас в конце 80-х – начале 90-х, к сожалению, была разрушена не кем иным, как Борисом Николаевичем и его окружением. Но вот я читаю Ваши строки: «Всё никак не пойму, / Почему терпеливо ты дремлешь, / В богатейшей стране / Самый бедный на свете народ? / И уму своему / Почему же так мало ты внемлешь? / Свод свобод над тобой / Аркой радуг никак не взойдёт!». Или дальше: «Ему, народу, что ни год подачки свысока пренебрежительно сует господская рука». Ну так это же про 2000-е годы! Про наше время.

– Эти строчки я написал в нулевые годы. Мы с вами пережили много эпох: хрущёвская, брежневская, когда выросли, выучились, прошли становление. Потом, да, перестройка, эйфория, нам казалось, что будет лучше и намного лучше, чем в той жизни. Ну а потом не успели оглянуться, не заметили, как попали в это смутное время, в ельцинизм.

– А потом не заметили, как оказались в 2000-х годах, когда уже Ельцина не было, а был другой человек. Поэтому, повторяю, эти строчки ложатся на наше время один к одному, на наше сегодняшнее время.

– Я тогда писал эти строчки в надежде, что будет лучше. Почему мы пишем? Мы, отражая своё время, свою эпоху, всё-таки надеемся на лучшее. Мы с Вами много пережили, нам есть что и с чем сравнивать, и мы видим, где было лучше, где было хуже, и мы уже не допускаем с Вами этих крайностей. Может быть, строчки, которые я написал пятнадцать – двадцать лет назад, сейчас уже и не написал бы. То есть я уже отохожу от крайностей мышления.

– А может, Вы уже так не напишете, потому что теперь Вы занимаете должность председателя Смоленской организации Союза писателей России? А на этой должности нужна политическая осторожность.

– У нас в Союзе много писателей, которые всё равно режут правду-матку, недовольны всем. Знаете, став руководителем, я всё-таки понял, что прежде всего на должности руководителя нужно окружать себя позитивом. Строить позитивные отношения между людьми, и мне, на седьмом десятке, уже не хочется быть ворчливым стариком. И поэтому я считаю, что нам надо находить правильные контакты, чтобы людям приносить радость в самых трудных, нелёгких условиях, не доводить до абсурда, до фанатизма.

– Окружать позитивом – это хорошо. Но, как Вы сказали в одном своём афоризме «Крик души спасает от безумия», поэтому иногда надо себе позволять крик души, в том числе и в поэзии. Вы себе это позволяете, и слава Богу. Что касается Союза писателей России, то Вы как-то сказали: «Почему именно авторы нашего Союза не так широко разрекламированы? Возможно, потому что все мы моралисты, а сегодня широко востребованы эпатаж, гламур, попса. Но что они несут? Куда ведут своих поклонников? Однако читатель трезвеет, прозревает». Действительно прозревает?

– Опять же однозначно нельзя сказать. Вот обращается ко мне молодёжь, приносят мне свои произведения, они стремятся приобщиться к большой литературе, попасть в Союз писателей России, получить этот статус. То, что у них

нет школы поэтической, это ладно, это дело наживное... Но что тревожит? Да, поэт – это зеркало действительности. Он так или иначе отражает эту действительность через призму своей души. И они тоже пытаются отразить эту действительность. Но как они её отражают? Через какое-то уныние, через какую-то безысходность. Пессимизм во всём. Как будто какие-то тёмные силы им надиктовывают стихи, руководят ими. И что мне приходится им говорить? Даже лужи отражают звезды! Да, вы – зеркало. Но как вы должны отражать жизнь? Слегка приподнявшись над ней, с высоты эстетического идеала, а его надо в себе выработать. Поднимать читателя к себе. Тот же Лермонтов, несмотря на то, что у него было полнейшее неприятие этой действительности, до желчного негодования в его стихах это проявлялось, но как он написал с высоты своего идейно-эстетического идеала, о котором и критики писали: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит». Вот к Богу надо приближаться. И дальше: «В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом...» Наши космонавты удивлялись, как Лермонтов увидел то, что они увидели из космоса, действительно, наша Земля в сияньи голубом. Надо вырабатывать в себе этот идейно-эстетический идеал. И вот тогда это принесёт и прозрение, а поэт без прозрения не поэт. Тогда и читатель будет прозревать.

– Что ж, Олег Иванович, как писал английский философ-поэт Честертон, «хорошего человека сразу видно – боль в сердце и улыбка на устах». По-моему, это про Вас. Я Вас благодарю, желаю больших творческих успехов и хочу сказать нашим телезрителям: ищите книги Олега Ивановича Дороганя в книжных магазинах. Я с большим удовольствием и интересом их прочитал, и многое легло мне на душу. Спасибо.

– Вам тоже большое спасибо, Сергей Витальевич. Спасибо за все Ваши передачи, потому что Вы своими «Диалогами» действительно несёте живую мысль зрителям, читателям, любителям литературы, помогаете им прозревать.

– Спасибо.

P.S. Видеовersion беседы смотрите на сайте газеты «Смоленские новости» в разделе «Видео».